

КОРНИ

Роман
ИЛЬЯСОВ

Продолжение.
Предыдущие публикации
в №№ 378 – 387

Глава 2.
Михаил

Затем он взял в руки лист с биографией Михаила: «Я также ознакомился с вашими биографическими данными, которые вы сами и изложили. Вы написали не совсем детально свою биографию. Я, конечно, понимаю – все детали описать невозможно. Но меня интересует часть вашей биографии с детского времени, когда вы начали свою осознанную жизнь, т.е. со времени, когда вы осознали своё существование, и до того времени, когда вы попали в детский дом. Меня интересуют детали. Помните ли вы своих родителей, родственников? Если не помните, может ли существовать какая-то связь, которая позволит вам найти их? И какие будут ваши действия, если окажется, что ваши родственники имеют нежелательный для вашего положения статус?»

Он вытащил из папки пожелтевший документ: «Вот здесь у меня выписка из психической больницы, куда вы попали в 1922 году и откуда вас направили в детский дом». Он вытащил из папки другую пожелтевшую бумагу: «А вот выписка из вашей истории болезни, полученная из этой больницы: о частичной потере памяти. Я бы также хотел, чтобы вы более детально разъяснили мне все события, происшедшие с вами в этот период». «Понял, - ответил Михаил. - Я готов рассказать детально всё, что я помню». «В таком случае я вас слушаю», - сказал начальник отдела.

Михаил начал свой рассказ: «Как вы сами только что сказали, я потерял память в детстве, в шестилетнем возрасте. Именно с этого возраста, я бы сказал, и началась моя, как вы говорите, сознательная жизнь. А вернее, она началась у меня с детского дома. В одно утро я проснулся там и не понял, где я, как я там очутился. Я не помнил, откуда я, как меня зовут, были ли у меня родители или близкие. И позже, как ни старался, я не смог вспомнить это.

Меня несколько раз водили к тому доктору, психоте-

Раввин из Коканда

рапевту, который меня и направил в детский дом. От него и от некоторых других работников психической больницы я узнал, как попал туда. Меня привел участковый милиционер железнодорожного вокзала, когда я был найден в вагоне поезда. Проводник вагона сказал участковому, что я ехал с отцом, который два дня назад куда-то исчез с вещами, и что после этого я ничего ни ел, ничего не говорил и выглядел психически ненормальным.

В больнице я был под медицинским наблюдением профессора несколько дней. По его мнению, я, вероятно, увидел что-то страшное в поезде – и у меня был такой сильный испуг, что мой организм в целях самосохранения, произвел защитную реакцию, отключив из памяти все страшное, увиденное тогда мною. Я также забыл все то, что помнил до испуга. Я как бы родился заново, хотя понимал, что говорят. Он объяснил, что у меня очень крепкий организм, который меня и спас. Потому что если бы это было не так, я бы сошел с ума... Профессор сказал, что, возможно, со временем память ко мне вернется, но он не считает, что меня нужно держать в больнице. Он полагал, что я приду в себя быстрее, если буду находиться с детьми моего возраста. Меня направили в детский дом Коканда. Так как я не помнил своего имени, года рождения и откуда я, мне дали новое имя - Михаил Михайлович Михайлов, примерно определили, что мне шесть лет, записали дату рождения, 1 января 1916 года, и место рождения – город Коканд. Родителей и близких найти мне не удалось. И если я в будущем узнаю, что кто-то из них имеет недостойный статус, позорящий мое положение, я тут же напишу заявление об уходе с работы... Ну, в общем-то, и все... - закончил Михаил.

Он догадался, что начальник отдела доволен услышанным, хотя на лице этого человека трудно было прочесть, о чем он думает. Догадка Михаила основывалась на том, что начальник отдела не задавал ему много вопросов.

Он спросил: «Какое впечатление у вас оставила жизнь в детском доме?» Михаил ответил, что он очень благодарен партии и правительству за то, что они создали такие дома, которые дают возможность детям, потерявшим родителей, хорошо питаться, одеваться, интересно проводить досуг, получить образование, а затем

направление в высшее учебное заведение – словом, получить путевку в жизнь.

Следующий вопрос был: «Почему вы желаете начать свою карьеру как следователь?» - «Ну, потому что я думаю, что в данный период жизни страны я принесу наибольшую пользу народу, партии и правительству, работая именно по этой профессии. И вообще она меня привлекает, кажется очень интересной и живой». - «С кем, по вашему мнению, вам было бы интереснее работать (я имею в виду, вести следствие): с уголовниками или с политическими - врагами народа, шпи-

рассмотрения дел организованы особые совещания (ОСО) и тройки НКВД, которые, бесспорно, увеличили эффективность следственных и судебных процессов, работы всё равно непочатый край.

Из-за нехватки времени мы в данный момент организуем проживание наших работников в непосредственной близости от мест расположения следственных изоляторов. Тем более что экономически нерационально возить заключённых на допросы в город, за десятки километров и даже дальше. Планируем послать вас на работу с проживанием в один из таких по-

Дети и внуки раввина Якова Рубинова

онами?» - «Конечно с политическими».

Михаилу показалось, что начальник отдела посмеялся в душе над его ответом. Поэтому он продолжал: «Хотя я понимаю: чтобы вести работу с ними нужно быть более опытным. И поэтому не возражаю начать работу с уголовниками».

«Ну что ж, молодой человек, - сказал начальник отдела. - Судя по вашим ответам, в целом вы подходите нам. Хотя я также понял, что вы имеете о работе следователя некоторые иллюзорные представления, которые, надеюсь, исчезнут, когда вы окунетесь с головой в эту работу. С приходом к власти народного комиссара внутренних дел СССР, генерального комиссара госбезопасности Николая Ивановича Ежова, благодаря его правильному руководству и высокой бдительности, раскрытие преступлений в нашей стране поднялось до должного уровня. К сожалению, в связи с поставленной задачей более интенсивного раскрытия преступной деятельности учебные заведения страны теперь не успевают выпускать достаточного количества специалистов для работы в соответствующих органах. И, несмотря на то, что для ускорения

селков. Особых помещений там у нас не имеется, так что вы будете проводить допросы в стенах тюрьмы. Из-за нехватки кадров камеры у нас переполнены – не хватает места. Поэтому наша задача вести работу быстро, для того чтобы освободить места в камерах вновь прибывшим заключенным.

Вы, как я понял, человек достаточно грамотный и политически подкованный. К тому же, как указано в ваших характеристиках, вы за короткое время изучили два иностранных языка – английский и немецкий – и свободно владеете ими. Поэтому я дам указание разрешить вам проведение следствия как с уголовниками, так и с некоторыми политическими...

Как раз в том месте, куда мы вас направляем, находится враг народа, подозреваемый в шпионаже, которого мы взяли только вчера. Нами были конфискованы три сундука книг с его личными записями, написанными на иностранных языках. Никто из наших работников, работающих там, к сожалению, не владеет хорошо иностранными языками. И поэтому я очень рад, что мы теперь будем иметь специалиста, владеющего языками.

Мой личный совет вам: ес-

ли хотите добиться успешной карьеры, не брезгуйте применять к допрашиваемым попытки для ускоренного дознания, особенно когда допрашиваете врагов народа. Мы не имеем возможности долго кормить дармоедов в изоляторах. Подследственные как можно быстрее должны приносить хоть какую-то экономическую пользу стране. Поэтому наша задача – отправлять их как можно скорее в трудовые колонии и лагеря ГУЛАГа... У вас имеются вопросы ко мне?» «Да, - сказал Михаил. - Когда нужно приступить к работе?» - «Сейчас вы запишетесь на прием к начальнику отдела кадров. Я передам ваши документы ему лично. Сегодня же он вас оформит и снабдит соответствующими инструкциями – как туда добраться и когда выехать. Добираться надо поездом. Завтра утром уже будете на месте. Я, в свою очередь, сообщу старшему следователю изолятора товарищу Палачеву Владимиру Ильичу, чтобы он обустроил вас с жильем, а также провел соответствующий инструктаж на месте. Кстати, рекомендую – берите пример с него. И не стесняйтесь спрашивать у него советы по работе. Он имеет достаточный опыт и овладел специальными методами, позволяющими добиваться быстрого признания преступников в содеянных ими преступлениях...»

Помолчав немного, начальник отдела спросил: «Вам все ясно, Михаил Михайлович?» - «Все, Николай Иванович». - «Тогда желаю вам успехов в работе». «Спасибо, Николай Иванович, и до свидания», - улыбаясь ответил Михаил и направился к двери.

Михаил был очень доволен быстрым развитием событий: «Сейчас меня оформят на работу – и, наконец, осуществится моя мечта. Завтра я уже начну работать». От счастья Михаилу хотелось, как мальчишке, прыгать до потолка, а, когда подошел к лестнице, спуститься на перилах. «Но нет. Теперь я следователь НКВД. Серьезная фигура. И должен вести себя подобающе».

Он подошел к дежурному. «Николай Иванович сказал, что я должен записаться на прием к начальнику отдела кадров для оформления меня на работу», - вдохновенно сообщил Михаил дежурному.

«Поздравляю вас, товарищ Михайлов, - улыбаясь, ответил дежурный. - Николай Иванович уже сообщил мне об этом, и начальник отдела кадров тоже в курсе. Он ожидает вас в своем кабинете».

Дежурный сделал запись в журнале и попросил Михаила расписаться.

Продолжение
следует